

Проблемы общественного сознания, духовной жизни и культуры

В своем анализе соотношения базиса и надстройки Плеханов уделяет главное внимание формам общественного сознания. Два обстоятельства обусловили его внимание к этой проблеме. Первое — в борьбе против народнической идеологии и ревизионистских вылазок против материалистического понимания истории ему приходилось опровергать ложные представления о якобы пассивной роли идеологических надстроек, согласно доктрине марксизма. Второе — письма Энгельса 90-х годов также в значительной мере были направлены против тех, кто фальсифицировал позиции марксизма в вопросе о соотношении базиса и идеологической надстройки. Эти письма были хорошо известны Плеханову. Он понимал, что перед марксистами была поставлена настоятельная задача проанализировать указанную проблему и тем самым опровергнуть взгляды противников марксизма.

Плеханов стремился выполнить программу научного исследования общественного сознания и его форм, выдвинутую Энгельсом в 80—90-е годы.

Плеханов глубоко и всесторонне обосновывает зависимость психологии и идеологии от экономического базиса. Среди учеников Маркса именно ему принадлежит заслуга конкретизации этой проблемы.

В «Очерках по истории материализма» Плеханов выдвигает формулу общественного развития, в которой особо подчеркивает роль духовного развития общества. Вот эта формула: *«Данная степень развития производительных сил, взаимоотношения людей в процессе общественного производства, определяемые этой степенью развития; форма общества, выражающая эти отношения людей; определенное состояние*

духа и нравов, соответствующее этой форме общества; религия, философия, литература, искусство, соответствующие способностям, направлениям вкуса и склонностям, порождаемым этим состоянием, — мы не хотим сказать, что эта «формула» охватывает все, — совсем нет! — но, как нам кажется, она выражает причинную связь, существующую между различными «членами ряда»» (12, т. II, стр. 171).

Плеханов раскрывает закономерные связи и зависимость форм общественного сознания от социальной среды, от экономических отношений людей. Активная роль общественного сознания обуславливается этими отношениями. Плеханов замечает, что Маркс и Энгельс показали это еще в «Манифесте Коммунистической партии».

Генетическую зависимость форм общественного сознания от базиса Плеханов иллюстрирует целым рядом конкретных примеров. В своих «Письмах без адреса» на большом этнографическом материале он показывает зависимость первобытного искусства, его различных форм (орнамент, пляски и пр.) от существующих общественно-экономических отношений.

Фундаментальное положение марксизма о зависимости идеологических надстроек от экономического базиса Плеханов конкретизирует в различных областях. Плеханов проявляет исключительную эрудицию в этих вопросах. Кстати следует сказать, что личная библиотека Плеханова содержит исключительно большое число книг, посвященных идеологическим проблемам. Анализ пометок и замечаний на полях многих прочитанных Плехановым книг дает богатейший материал, вскрывающий лабораторию его мысли. В своих работах Плеханов критикует представление, будто идеологическая надстройка объясняется простой филиацией идей. В работе «О так называемых религиозных исканиях в России» Плеханов рассматривает вопрос о зависимости морали и религии от общественно-экономических отношений исторической эпохи. В работе «Основные вопросы марксизма» он показывает зависимость миросозерцания и эстетических вкусов людей первобытного общества непосредственно от их хозяйственной деятельности.

Плеханов анализирует относительную самостоятельность надстройки по отношению к экономическим условиям. Именно эта проблема его интересует прежде всего. Он понимает, что только всесторонний и глубокий анализ ее может со всей убедительностью опровергнуть взгляды противников марксизма. Плеханов пишет: «До сих пор мы говорили, что, раз даны производительные силы общества, дана и его структура, а следовательно, и его психология. На этом основании можно было приписать нам ту мысль, что от экономического положения данного общества можно с точностью умозаключить к складу его идей. Но это не так, потому что идеологии каждого данного времени всегда стоят в теснейшей — положительной или отрицательной — связи с идеологиями предшествующего времени» (12, т. I, стр. 666).

Относительную самостоятельность в развитии общественного сознания и его форм Плеханов видит прежде всего в том, что оно теснейшим и неотвратимым образом связано с предшествующим развитием духовной культуры. Он всесторонне анализирует историческую преемственную связь различных форм общественного сознания с предшествующим его развитием.

В статье «О книге Фр. Лютгенау» Плеханов, отмечая, что материалистическое понимание истории не конгломерат готовых, законченных выводов, а творческий метод, пишет: «И кто хочет показать себя достойным приверженцем этого метода, тот не может ограничиться простым повторением того, что не сознание определяет собою бытие, а бытие — сознание; тот должен, напротив, постараться выяснить себе, как же происходит на самом деле это определение сознания бытием» (12, т. III, стр. 302).

Плеханов указывает, что общественное сознание имеет свои особые законы развития. Их невозможно игнорировать. «Идеи, чувства и верования сочетаются по своим особым законам» (12, т. I, стр. 665). Но эти законы в своем общем действии зависят от законов существующих общественных отношений. Они «приводятся в действие внешними обстоятельствами, не имеющими ничего общего с этими законами. Там, где Брюнэтьер видит лишь влияние одних литературных

произведений на другие, мы видим, кроме того, глубже лежащие взаимные влияния общественных групп, слоев и классов; там, где он просто говорит: явилось противоречие, людям захотелось сделать обратное тому, что делали их предшественники, — мы прибавляем: а захотелось потому, что явилось новое противоречие в их фактических отношениях, что выдвинулся новый общественный слой или класс, который уже не мог жить так, как жили люди старого времени» (12, т. I, стр. 665).

Для доказательства значения исторической преемственности, связи в развитии общественного сознания Плеханов обращается к богатым образцам русской и мировой культуры, показывая влияние французской философии и литературы на философию и литературу России XVIII в., взаимодействие между английской и французской философией и литературой. В произведении «История русской общественной мысли» он раскрывает исторически преемственную связь русской культуры с мировой культурой.

Плеханов глубоко анализирует взаимодействие мировой и национальной культуры, в особенности исторический процесс взаимодействия развития литературы. Он раскрывает закономерности этого процесса. В своей работе «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», касаясь взаимодействия литературы, Плеханов писал: «Итак, влияние литературы одной страны на литературу другой прямо пропорционально сходству общественных отношений этих стран. Оно совсем не существует, когда это сходство равняется нулю. Пример: африканские негры до сих пор не испытали на себе ни малейшего влияния европейских литератур. Это влияние односторонне, когда один народ по своей отсталости не может ничего дать другому ни в смысле формы, ни в смысле содержания. Пример: французская литература прошлого века, влияя на русскую литературу, не испытывала на себе ни малейшего русского влияния. Наконец, это влияние взаимно, когда вследствие сходства общественного быта, а следовательно, и культурного развития каждый из двух обменивающихся народов может что-нибудь заимствовать у другого. Пример: французская

литература, влияя на английскую, в свою очередь испытывала на себе ее влияние» (12, т. I, стр. 658).

Плеханов указывает, что развитие идеологии в той или иной стране усложняется в результате влияния идеологии других стран. «Когда — как, например, в Европе нового времени мы имеем целую систему обществ, чрезвычайно сильно влияющих одно на другое, тогда *развитие идеологий* в каждом из этих обществ усложняется так же сильно, как усложняется его *экономическое развитие* под влиянием беспрестанного торгового обмена с другими странами» (12, т. I, стр. 658).

Раскрывая закономерности исторической преемственной связи, Плеханов анализирует проблему взаимодействия различных форм общественного сознания. Все эти формы непрестанно воздействуют друг на друга. Так, литература общества оказывает влияние на нравы, которые в свою очередь влияют на его литературу, ее характер и направление. Между различными сферами понятий и представлений, отмечает Плеханов, также существует взаимное влияние: религия влияет на право; перевороты, происходящие в области права, отражаются на религиозных представлениях и т. д.

Но и это взаимодействие определяется существующими социально-экономическими отношениями. Плеханов подчеркивает при этом, что «*непосредственное* влияние экономики на искусство и другие идеологии вообще замечается крайне редко. Чаще всего влияют другие «факторы»: политика, философия и пр.» (12, т. V, стр. 230). В общей форме это положение Плеханов применительно к искусству высказал в своих «Письмах без адреса»: «... искусство всякого данного народа определяется его психикой; его психика создается его положением, а его положение обуславливается в последнем счете состоянием его производительных сил и его отношениями производства» (12, т. V, стр. 318). Экономические отношения обуславливают надстроечные формы по-разному: непосредственно — право, мораль, косвенно и опосредованно — философию, литературу, искусство. Но и это положение должно быть конкретизировано.

Плеханов обращает внимание на то, что в различные исторические эпохи те или иные формы общественного сознания играют различную роль. Он выясняет, что это связано прежде всего с социально-экономическими условиями, но что здесь приобретает значение и относительная самостоятельность в развитии форм общественного сознания, действуют различные иные факторы. Иногда действие одного из них становится заметнее, чем действие других, например определяющей формой общественного сознания в средние века в Западной Европе была религия, в Германии в конце XVIII и начале XIX в. — философия.

Плеханов подвергает аргументированной критике позиции вульгарно-экономического материализма, сводящего общественное сознание к простому отражению социально-экономических условий. Он опроверг грубые измышления буржуазных идеологов, приписывающих марксизму непонимание активной роли общественного сознания.

Плеханов указывал, что только материализм Маркса явился ответом на вопрос: как развивается самосознание человека, как «складывается субъективная сторона истории»? Благодаря новому подходу Маркса материализм избавился от фатализма. Все попытки противников марксизма приписать ему квиетизм лишены всякого основания. «Диалектический материализм, — замечает Плеханов, — говорит: человеческий разум не мог быть демиургом истории, потому что он сам является *ее продуктом*. Но раз явился этот продукт, он *не* должен и по самой природе своей *не может* подчиниться завещанной прежней историей действительности; он по необходимости стремится преобразовать ее по своему образу и подобию, *сделать ее разумной*» (12, т. I, стр. 691—692).

Отмечая глубокую теоретическую постановку Плехановым вопроса об активной роли общественного сознания, нам, однако, следует указать на то, что при применении этой марксистской формулы к конкретным обстоятельствам жизни он нередко в меньшевистский период своей деятельности изменял ей. Так, в своей статье «Рабочий класс и социал-демократическая интеллигенция» он выступал против ленинского

учения о внесении социалистической сознательности в стихийное рабочее движение. В 1905—1907 гг. он говорил о переоценке большевиками субъективного фактора, его политической и идеологической сторон, что в действительности означало прямую недооценку им субъективного фактора.

У Плеханова ряд верных идей в теории, взятой в общем плане, особенно в философии, в эти годы сочтася с оппортунистическим применением ее к вопросам политики и тактики классовой борьбы. Разумеется, что это не могло не сказаться и в конкретных областях теории, например в учении о революции, государстве, политической идеологии и т. д.

После этого необходимого замечания возвратимся к плехановскому анализу проблемы идеологии.

Плеханов обращает внимание на опосредованный характер связи искусства с экономикой в новое время.

Если в первобытном обществе связь между искусством и общественным процессом производства ясна и имеет непосредственный характер, то в условиях классового общества искусство, как правило, не имеет прямого отношения к последнему. Эта связь обнаруживается не так легко. «Но значит ли это, — спрашивает Плеханов, — что в обществе, разделенном на классы, ослабляется причинная зависимость *сознания* людей от их *бытия*? Нет, нисколько не значит, потому что разделение общества на классы само обусловливается экономическим его развитием. И если искусство, создаваемое высшими классами, не имеет никакого прямого отношения к производительному процессу, то это объясняется в последнем счете тоже экономическими причинами» (12, т. V, стр. 411—412).

Плеханов подверг критическому анализу книгу В. Шулятикова «Оправдание капитализма в западно-европейской философии», подчеркнув, что марксистская позиция по вопросу о роли общественного сознания в развитии общества ничего общего не имеет с вульгарной постановкой вопроса автором этой книги. Шулятиков все положения философии выводил непосредственно из экономики и классовых целей людей, отбрасывая прочь относительную самостоятельность в развитии идеологии. Плеханов замечает, что «задача

исследователя очень *упростится*, если он предположит, что философская мысль данного класса всегда выражает лишь *ближайший* интерес этого класса. *Но простота — далеко не всегда достоинство*» (12, т. III, стр. 320).

Шулятиков предлагает «произвести переоценку философских понятий и систем», и в этом плане он ссылается на статью Богданова «Авторитарное мышление», которая якобы открывает новую эру в истории философии.

Отвергая вульгарно-схематический метод Шулятикова, Плеханов иронически писал: «... утверждать, что «все без остатка философские термины» служат для обозначения общественных классов, групп, ячеек и их взаимоотношений, — значит доводить чрезвычайно важный вопрос до той простоты, которая может быть охарактеризована эпитетом «*суздальская*». Этот эпитет обозначает собою не какой-нибудь «общественный класс», не «группу» и не «ячейку», а просто огромную умственную дубоватость» (12, т. III, стр. 322).

В «Основных вопросах марксизма» Плеханов подверг критическому рассмотрению книги Элевтеропулоса об истории философии за его упрощенческий, схематический подход к освещению исторических событий. «Процесс развития идеологий... — замечает Плеханов, — вообще несравненно сложнее, чем это представляется Элевтеропулосу» (12, т. III, стр. 176). Элевтеропулос допускает, с одной стороны, схематические параллели, а, с другой — преувеличивает значение индивидуальности в развитии греческой философии.

Критикует Плеханов и вульгарно-экономический подход Фейергерда в книге «Происхождение стиля из политической экономии» за схематизм в объяснении происхождения стилей в искусстве. «По своей схематичности его рассуждения напоминают рассуждения наших доморожденных Фриче и Рожковых, которым, как и ему, надо пожелать прежде всего и больше всего *изучения современного материализма*. Только *марксизм* может спасти всех их от *схематизма*» (12, т. III, стр. 179).

Анализируя закономерности относительной само-

стоятельности в развитии различных форм общественного сознания, Плеханов глубоко решает проблему классовости в антагонистических формациях. Это составляет его заслугу. Он подчеркивает, что классы ведут между собой почти непрерывную — то скрытую, то ясную, то хроническую, то острую — борьбу. И эта борьба оказывает огромное влияние на духовное развитие. Можно без преувеличения сказать, что, не приняв в соображение классовой борьбы, невозможно ничего понять в развитии идеологий. Плеханов иллюстрирует это примерами из истории идеологии Древней Греции, Франции эпохи XVIII в., современно капиталистического общества.

Плеханов вместе с тем обращает внимание на то, что если идеи того или иного класса по своему содержанию определяются социальным положением этого класса, то по своей форме они находятся в связи с идеями, которые господствовали в прошлом. Он иллюстрирует это примером современного социализма, который должен был исходить из накопленного до него идейного материала, хотя его корни лежали в материальных экономических факторах.

Анализируя роль литературы в классовой борьбе, Плеханов останавливается на значении влияния литературы других стран. Он раскрывает закономерности этого исторического процесса. «Класс, — пишет Плеханов, — находящийся в борьбе со своими противниками, завоевывает себе положение в литературе своей страны. Если тот же самый класс в другой стране начинает приходить в движение, он усваивает идеи и формы, созданные его более передовыми братьями. Но он их видоизменяет, или идет дальше их, или отстает от них в зависимости от различия, существующего между его положением и положением класса, который дает ему образец» (12, т. II, стр. 186).

Плеханов глубоко и всесторонне анализирует проблему классового характера идеологии в антагонистическом обществе. Чаще всего этот характер не выражается в прямой форме, затушевывается действиями господствующего класса. В условиях современного общества идеология все более и более приобретает лицемерный характер. «Условная ложь» общества, —

пишет Плеханов, — разделенного на классы, тем более разрастается, чем более расшатывается под влиянием экономического развития и вызываемой им классовой борьбы существующий порядок вещей. Маркс весьма справедливо сказал, что чем более развивается противоречие между растущими производительными силами и существующим общественным строем, тем более пропитывается лицемерием идеология господствующего класса. И чем более обнаруживает жизнь лживость этой идеологии, тем возвышеннее и нравственнее становится *язык* этого класса» (12, т. III, стр. 186).

Это одна из закономерностей развития идеологии в антагонистическом, особенно капиталистическом, обществе. «Чтобы понять, *каким образом* искусство отражает жизнь, надо понять механизм этой последней. А у цивилизованных народов борьба классов составляет в этом механизме одну из самых важных пружин. И только рассмотрев эту пружину, только приняв во внимание борьбу классов и изучив ее многообразные перипетии, мы будем в состоянии сколько-нибудь удовлетворительно объяснить себе *«духовную»* историю цивилизованного общества: «ход его идей» отражает собою историю его классов и их борьбы друг с другом» (12, т. V, стр. 433).

Плеханов говорит о сознательном и бессознательном лицемерии идеологов господствующего класса. Указывая на две формы лицемерия, Плеханов пишет: «Я вовсе не хочу сказать, что философы всегда *сознательно* стремились сделать из своих систем «духовное оружие», с помощью которого они могли бы отстаивать интересы своего класса. Это было бы не основательно. Правда, мы уже от Виндельбанда слышали, что бывают эпохи, когда *«сознательное лицемерие»* играет очень большую роль в судьбе философских идей. Но мы поступим осторожнее, если будем рассматривать подобные эпохи как *исключительные*. Отдельной личности не нужно «сознательного лицемерия» для того, чтобы стремиться к согласованию своих взглядов с интересами своего класса. Для этого ей достаточно искреннего убеждения в том, что данный классовый интерес совпадает с интересами целого общества. Когда возникает такое убеждение, — а оно

естественно возникает у отдельных лиц под влиянием окружающей их среды, — тогда самые лучшие инстинкты человека: преданность целому, самоотвержение и т. д. — предрасполагают его считать *ошибочными* те идеи, которые грозят привести с собою «ужасные следствия» для его класса (вспомните молодого Беркли), и, наоборот, признавать *истинными* те, которые обещают *быть полезными* этому классу... Конечно, пока речь идет о таком классе, существование которого основывается на эксплуатации другого класса или других классов, до тех пор этот психологический процесс отождествления полезного с *истинным* всегда предполагает некоторую долю *бессознательного лицемерия*, заставляющего отворачиваться от всего того, что могло бы помешать ходу этого процесса. И, по мере того, как данный господствующий класс приближается к своему упадку, доля эта все более и более увеличивается, причем к *бессознательному* лицемерию присоединяется сознательное» (12, т. III, стр. 627).

Раскрывая законы классовой борьбы в содержании развития общественного сознания, Плеханов останавливается на роли личности и гения в развитии идеологии, на зависимости его творчества от общественной среды, от общественных классов. «Мы скажем, что в области общественных идей, — пишет он, — гений опережает своих современников в том смысле, что *он ранее их схватывает смысл новых, нарождающихся общественных отношений*. Следовательно, здесь невозможно и говорить о независимости гения от среды. В области естествознания гений открывает законы, действие которых, конечно, не зависит от общественных отношений. Но роль общественной среды в истории всякого великого открытия сказывается, во-первых, в подготовке того запаса знаний, без которого ни один гений ровно ничего не сделает, а, во-вторых, в направлении внимания гения в ту или другую сторону... В области искусства гений дает наилучшее выражение преобладающей эстетической склонности данного общества или данного общественного класса... Наконец, во всех этих трех областях влияние общественной среды сказывается в доставлении мень-

шей или большей возможности развития гениальных способностей отдельных лиц. Конечно, мы никогда не сумеем объяснить влиянием среды всю *индивидуальность* гения, но это еще ничего не доказывает» (12, т. I, стр. 667—668).

При разработке проблемы общественного сознания Плеханов устанавливал два его уровня — общественную психику и идеологию. Касаясь психики, он отводит все попытки противников марксизма приписать Марксу игнорирование ее значения в развитии общества. «Материалисты, — замечает Плеханов, — вовсе не отрицают значения психики. По их мнению «психика» — не только могущественный, но и безусловно необходимый фактор цивилизации, так как без „психики“ цивилизация была бы совершенно невозможна» (23, т. IV, стр. 240).

В своей схеме общественного развития, приводимой в «Основных вопросах марксизма», Плеханов указывает, что психика определяется частью непосредственно экономикой, а частью всем выросшим на ней социально-политическим строем. Идеологии отражают в себе свойства психики.

В нашей философской литературе мы находим различные трактовки плехановской пятичленной формулы общественного развития, особенно это относится к вопросу о соотношении психики и идеологии. Некоторые философы упрекают Плеханова за то, что он выводит идеологии из общественной психологии и что идеологии в его схеме не связаны с социально-политическим строем и общественными отношениями.

Но это на самом деле не так. Любая схема не может с точностью отразить многосторонние связи общественной жизни, отношения между различными сторонами ее.

Однако об этих связях говорится со всей убедительностью во всех произведениях Плеханова. И как известно, его заслугой является глубокий анализ внутренней связи морали, религии, искусства с проблемой общественной психологии. Психологический аспект рассматриваемых им проблем придает им жизненность, конкретность.

Говоря о содержании религии, Плеханов подчерки-

вает, что в нее как необходимый элемент входит настроение, переживание. Религия представляет собой *«более или менее стройную систему представлений, настроений и действий»*. Представления образуют *мифологический элемент* религии; настроения относятся к области *религиозного чувства*, а действия — к области *религиозного поклонения* или, как говорят иначе, *культы*» (12, т. III, стр. 330).

Развивая некоторые стороны марксистского учения об искусстве (проблемы формы и содержания, реализма, отражения, классовости и пр.), Плеханов отмечает психологический аспект его. Он пишет: «...всякая данная «идеология», стало быть, также и искусство и так называемая «изящная литература», — выражает собой *стремления и настроения данного общества* или, если мы имеем дело с обществом, разделенным на классы, — *данного общественного класса*» (11, т. XIV, стр. 183). Важно заметить, что Плеханов глубоко ставит вопрос об известной дифференциации роли общественной психологии в истории права и в истории искусства. В одном случае, как замечает Плеханов, необходимо считаться, а во втором случае без нее нельзя сделать ни шагу. Требуется конкретно-исторический подход к значению общественной психологии в той или иной форме общественного сознания.

В области анализа и критики религии Плеханов является одним из видных марксистских теоретиков, немало способствовавшим разработке вопросов, связанных с происхождением и историческими изменениями религии, а также с анализом ее роли в системе идеологической надстройки на различных исторических этапах.

Вместе с тем нельзя не заметить, что при применении своих теоретических положений к вопросам политики Плеханов, будучи меньшевиком, соскальзывает с правильных, марксистских позиций. Ведя в общей форме агитацию против религии, Плеханов занял неподделенную позицию в отношении тезиса немецкой социал-демократической партии «религия — частное дело». Он обходился молчанием этот тезис, хотя и считал необходимым вести пропаганду против религиозных воззрений верующих социал-демократов.

В произведениях Плеханова, посвященных проблемам идеологии, существенное место занимает анализ вопросов этики. На основе большого конкретного материала таких наук, как археология, этнография и история, он раскрывает основные истоки этических понятий и нравственного поведения людей. Критикуя субъективный подход к объяснению нравственности, Плеханов замечает: «Не субъективный разум личности, а объективная логика общественных отношений диктует личности то или другое поведение» (12, т. II, стр. 451). Эволюция общественных отношений обуславливает эволюцию нравственных понятий людей. В этом смысле в содержании нравственных понятий и поведения людей нет абсолютного, неизменного.

Плеханов глубоко раскрывает классовый характер этики, усложнение ее содержания и формы в условиях антагонистического общества.

Большое внимание Плеханов уделяет вопросу о взаимоотношении этики и религии на различных этапах эволюции человечества. В статье «О так называемых религиозных исканиях в России» он раскрывает основные линии связи этики и религии в доклассовом и классовом обществах, обосновывая тезис о том, что нравственность старше религии. В своих статьях об искусстве Плеханов выразительно показывает огромное значение этического элемента в содержании искусства.

Плеханову принадлежит заслуга в разработке марксистской истории этики в процессе борьбы с буржуазными моралистами. Плеханов вслед за Марксом и Энгельсом говорит о возникновении новой морали в обществе в связи с выходом пролетариата на историческую арену и его борьбой за коммунизм. Однако проблеме пролетарской морали он посвящает немногие страницы своих произведений. Недостаточно уделяет он внимания вопросу о соотношении политической идеологии и политики, с одной стороны, и этики — с другой. Эта сторона проблемы остается у него в общем в тени, хотя он отмечает в своем критическом разборе произведений Ибсена, что «его мораль не нашла себе выхода в политику» (12, т. V, стр. 500), а в своих критических положениях против аморализма

Ницше подчеркивает политический характер его этических взглядов.

Плеханову часто при обсуждении проблемы морали в современных условиях не хватало конкретного политического подхода. Это нашло свое отражение и в его историко-этических взглядах, например в оценке морали Фейербаха. Он недостаточно обратил внимания на внеклассовый подход Фейербаха к проблемам этики. Далекое не случайно Плеханов пытался софистически в период империалистической войны обосновать свою шовинистическую позицию с помощью кантовского категорического императива.

Однако этические воззрения Плеханова в основном, если исключить их отдельные, подчас серьезные недостатки, представляют собой значительную ценность для марксистов.

Особенную творческую самостоятельность Плеханов проявил в области эстетики. Опираясь на основные положения Маркса и Энгельса и используя прогрессивные идеи Тэна, Чернышевского, Белинского и других, Плеханов конкретизировал и развил важнейшие проблемы марксистской эстетики.

Наследие Плеханова в области разработки форм общественного сознания относится к лучшим достижениям марксистской мысли конца XIX и начала XX в. Исследователи самой различной ориентации сходятся на том, что значение и влияние Плеханова в разработке проблем идеологии, культуры и эстетики было велико.

Луначарский писал, что Плеханов имеет огромные заслуги в истории эстетики. Его произведения обнаруживают не только глубокое понимание социологической стороны искусства, но и тонкий эстетический вкус.

Плеханов основательно разработал ряд весьма важных проблем марксистской эстетики. К таким проблемам относятся вопросы происхождения искусства, специфический характер этой формы идеологии, основные закономерности его развития, партийность, психологическая и этическая стороны искусства и пр. Центральным в воззрениях Плеханова является обоснование социологической стороны искусства. Досто-

инство произведений искусства обуславливается его общественной функцией в жизни и вместе с тем уровнем художественности. Плеханов иллюстрировал свои эстетические положения яркими примерами истории русской литературы, истории живописи во Франции.

Произведения Плеханова по вопросам искусства и эстетики представляют большую ценность. В работе «Письма без адреса» он дал глубокий анализ вопроса о происхождении искусства и его сущности. В произведениях «Пролетарское движение и буржуазное искусство», «Искусство и общественная жизнь» и других Плеханов глубоко обосновывает общественную функцию искусства, его классовый характер. Плеханов иногда допускает небрежные, неточные и неверные формулировки, которые, однако, не колеблют его общей правильной концепции искусства и эстетики. Так, в его произведении «Искусство и общественная жизнь» мы встречаем следующую формулировку: «Идеал красоты, господствующий в данное время, в данном обществе или в данном классе общества, коренится частью в биологических условиях развития человеческого рода, создающих, между прочим, и расовые особенности, а частью — в исторических условиях возникновения и существования этого общества или этого класса» (12, т. V, стр. 708).

Эта формулировка небрежна, ставя в равное положение биологический и общественный факторы и тем самым неверно передавая действительную мысль Плеханова. Она привела к тому, что отдельные авторы стали обвинять его в биологическом подходе к проблеме происхождения искусства. Встречаются и другие неточные высказывания у Плеханова. Однако основные эстетические положения Плеханова правильны, хотя иногда и требуют поправок.

Глубокий и содержательный анализ эстетических воззрений Плеханова и их историческую оценку мы находим в работах В. Р. Щербины и П. А. Николаева. «Г. В. Плеханов, — пишет В. Р. Щербина, — явился первым в России представителем марксизма в эстетике и в литературной критике» (12, т. V, стр. 5).